

ДУЭЛЬ ПУШКИНА С ДАНТЕСОМ

Недосыгаемое совершенство поэзии Пушкина, благородство и обаяние его личности, трагическая кончина более полутора столетий привлекают внимание читателей и исследователей к его личности. Стараниями филологов и историков отыскиваются новые документы, с ним связанные, вновь анализируются давно известные, многое уточняется, приобретает новые смыслы и значения.

Первым тему гибели поэта попытался исследовать правовед, литературный критик Б. В. Никольский (1870–1919). В 1899-м юбилейном пушкинском году вышел его очерк «Последняя дуэль Пушкина»¹. Достаточными знаниями автор не располагал, очерк успеха не имел. Вслед за ним только что окончивший университет выдающийся историк и филолог П. Е. Щеголев (1877–1931) опубликовал статью «Дуэль Пушкина с Дантесом»². В 1916 году вышла его книга «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы»³. Это и последующие два издания произвели сильнейшее впечатление на специалистов и широкий круг читателей.

Владение языком, умение сделать серьезный академический текст интересным для рядового читателя, нисколько не утратив его научной ценности, отличает Щеголева от многих авторов. Идут годы, появляются новые исследования, щеголевский труд несколько потускнел для профессионалов, однако навсегда остается чрезвычайно важное: автор показал, как надлежит работать с документами и какой должна быть научная биография Александра Сергеевича Пушкина. Она до сих пор не написана.

Н. М. Смирнов (1808–1870), входивший в узкий круг друзей Пушкина, пишет: «С 1825 до 1831 года была самая счастливая эпоха в жизни Пушкина. Он жил в Петербурге, ласкаемый царем; три четверти общества носило его на руках»⁴.

История последней дуэли Пушкина начинается чуть раньше окончания этой «счастливой эпохи», постепенным накоплением невзгод, неудач, тяжелейших драматических потрясений. 6 апреля 1830 года после второго сватовства мать невесты Наталья Ивановна Гончарова (1785–1848), в девичестве Загрязская, дала согласие на брак Натальи

Феликс Моисеевич Лурье — публицист, библиограф, историк, автор и составитель 47 книг и альбомов, автор более 200 статей, родился в 1931 году в Ленинграде в семье известного историка М. Л. Лурье (1901–1941).

¹ См.: Никольский Б. В. Последняя дуэль Пушкина // Исторический вестник. 1899. Т. 78. Кн. II.

² См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина // Исторический вестник. 1905. № 1–3. В память об этой его работе названа данная статья.

³ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы // Пушкин и его современники. Вып. XV–XVII. Пг., 1916. Годом позже вышло второе издание, третье исправленное и дополненное издание увидело свет в 1928 году. В 1936 году М. А. Цявловский издал сокращенный текст. Мы пользуемся четвертым изданием, опубликованным в 1987 году.

⁴ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. Л., 1998. С. 271.

Николаевны Гончаровой (1813–1863) с Александром Сергеевичем Пушкиным (1799–1837). В ожидании венчания влюбленный жених почти год мучился сомнениями: красавица невеста — не очень хорошо воспитанная и образованная провинциалка. Близкие друзья его выбор не одобряли. Хорошо знавшая и ценившая Пушкина жена австрийского посланника, внучка М. И. Кутузова графиня Д. Ф. Фикельмон (1804–1863) пишет: «Александр Пушкин, вопреки мнению всех своих друзей, пять лет назад женился на Натали Гончаровой, совсем юной, без состояния и восхитительно красивой. С поэтической внешностью, но заурядным умом и характером...»⁵

Полная противоположность Д. Фикельмон, Н. М. Смирнов, дипломат, впоследствии сенатор, превосходно образованный, пишет фактически то же самое: «Женитьба была его несчастье, и все близкие друзья его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более что, не имея еще собственного имения, живя произведениями своего пера и женись на девушке, не принесший ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал нужду, и, хотя никто из самых близких не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо»⁶.

Разум подчинился сердцу. За два дня до венчания жених сообщает одному из ближайших друзей П. А. Плетневу: «Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе финансовый отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000, и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была бы с приданным — пиши пропало, 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житье годичное». Деньги эти он получил в Опекунском совете за заложенных с разрешения отца двухсот душ крестьян мужского пола из нижегородской деревни Кистенево⁷. Вместо того чтобы тратить средства из гончаровского приданого, жених влез в долги. Итог: приданое невесты — деньги, взятые в долг у жениха будущей тещей, ею куда-то потраченные и невозвращенные; вместо денег на продажу подарок деда Натальи Николаевны, Афанасия Николаевича Гончарова (1760–1832), — огромный бронзовый монумент Екатерины Великой (Медная бабушка — выражение Пушкина).

Утром 18 февраля 1831 года, в день венчания, будущая теща послала сказать нетерпеливому жениху, что церемонию надобно отложить, так как на карету у нее денег нет. Зная нрав будущей тещи, Пушкин тотчас отправил ей требуемую сумму. До конца дней Александра Сергеевича Наталья Николаевна втайне от мужа сражалась с матушкой и братьями за *свое* приданое, за *свою* долю в наследстве. Лишь в конце 1836 года ей удалось получить от брата Дмитрия 1120 рублей (четверть назначенного годового содержания)⁸ и 3000 за с трудом проданную Медную бабушку.

Венчание устроили в церкви Вознесения Господня, что на Царицынской улице в Москве. Присутствовавшая в церкви княгиня Е. А. Долгорукова вспоминает: «Во время венчания нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свеча. „Tous les mauvais augures“, — сказал Пушкин, выходя из церкви»⁹.

⁵ Фикельмон Д. Ф. Дневник. 1829–1837. М., 2009. С. 354–355.

⁶ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 272.

⁷ См.: Пушкин. Письма. Т. III. 1831–1833. М., 1935 (Репринт. М., 1989–1999). С. 12, 205. Письмо П. А. Плетневу от 16 февраля 1831 г. «Пушкин отдал своих 25 тысяч на приданное» (Пушкин в воспоминаниях современников). Т. 2. С. 167.

⁸ Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994. С. 38.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 140. Перевод с франц.: Все плохие предзнаменования.

19 мая 1832 года у Пушкиных родился первенец — дочь Мария. Чуть больше, чем через год, 6 июля 1833 года родился сын Александр, 14 мая 1835 года на свет появился второй сын Григорий. 23 мая 1836 года последним ребенком родилась Наталья. 1 октября 1834 года в Петербург прибыли сестры Натальи Николаевны — Александра и Екатерина — для совместного с ней проживания. Требовались увеличение площадей жилищ, числа прислуги, средств существования. Расходы на содержание растущего семейства катастрофически росли.

В 1928 году увидела свет книга П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики. По неизданным материалам»¹⁰. Глава «Помещик» — почти сто страниц посвящены характеристике поместий, принадлежавших С. Л., Н. О. Пушкиным и их детям, деятельности управляющих и положению крестьян. Автор убедительно показал, до какого состояния довел поместья вечно хныкавший, капризничавший бездельник Сергей Львович, не желавший, не умевший заниматься доставшимся семье наследством. Единственным пытавшимся привести хозяйство в порядок оказался старший сын, самый занятый, самый ответственный, самый нуждающийся. Досадно читать текст этой главы, досадно видеть, как мечется гений, как никудышная родня предъявляет ему претензии, а он чувствует себя виноватым, растрчивает силы и время на добывание денег для всех.

«Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», начиная с 1831 года, с нарастающей частотой содержит заемные письма ростовщикам, споры с мужем сестры о разделе имений, постоянно мелькают записи Александра Сергеевича об оплате долгов отца и брата, о визитах к родителям и суммах, передаваемых им «на хозяйственные расходы». Письма Натальи Николаевны к родным горестно читать¹¹.

«Ни друзья, ни родственники поэта не понимали до конца, насколько затруднительно его положение. Родные со всех сторон теребили Пушкина в связи с предстоящим разделом Михайловского. Брат Лев в письмах из Тифлиса просил прислать деньги в счет будущего наследства. Он писал, что деньги нужны ему срочно, и ждать он не может. Необоснованными денежными претензиями назойливо преследовал поэта и его зять Павлищев. Все это становилось невыносимым»¹².

30 декабря 1833 года министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде известил министра двора князя П. М. Волконского о пожаловании титулярного советника А. С. Пушкина в звание камер-юнкера. Узнав о предстоящем пожаловании, Александр Сергеевич рассвирепел. Титулярный советник в Табели о рангах — чиновник 9-го класса, камер-юнкер — придворный 5-го класса, повышение на три класса¹³. Генералиссимуса А. В. Суворова пожаловали в камер-юнкеры семидесяти лет от роду. Кажется, он даже не обзавелся камер-юнкерским мундиром (возможно, уже тогда военным этот мундир не требовался). Пушкина сделали камер-юнкером, чтобы Наталья Николаевна была представлена ко двору. Торжественная церемония прошла 14 января 1834 года. Теперь в сопровождении мужа ей следовало посещать балы в Аничковом дворце. Натали счастлива, свершилось, она в восторге, будет отплясывать на всех столичных балах. Это было давней и чуть ли не главной мечтой провинциалки. Она ни от кого не скрывала, что скучала на «говорильных» вечерах Карамзиных и Вяземских. Камер-юнкерский мундир, бальные платья, украшения, соответствующий выезд требуют

¹⁰ См.: Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928.

¹¹ См.: Обнинская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. Неизданные письма Н. Н. Пушкиной, Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975. С. 75–76.

¹² Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 37.

¹³ Указ, допускающий жаловать званием камергера только статских советников, вышел в 1836 году, в 1833 году ничего не мешало пожаловать Пушкина камергером.

немалых денег¹⁴. Главная беда камер-юнкерства: оно вынуждало соблюдать правила придворного этикета, поглощавшего бесценное время на пустую светскую болтовню и разного рода никчемные мероприятия. Сомнительный друг Александра Сергеевича В. А. Соллогуб вспоминает: «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж»¹⁵. Как же он стеснялся этого ненавистного мундира! Как же он старался избежать обязательных посещений царских резиденций в этом проклятом мундирчике.

Все благодеяния власти в отношении Пушкина неизменно оборачивались для него мелкими или крупными бедствиями. Император вовсе не собирался его обидеть или унижить. Он не удивился словосочетанию «первый поэт России, камер-юнкер Пушкин». О таком пустяке Николай Павлович не думал: на руках у монарха империя. Не понимал он, что великого поэта негоже втискивать в камер-юнкерский мундирчик. Не думал он, что навязал гению противоестественный для него образ жизни, закабаливший его, сделавший глубоко несчастным не фактом дурацкого пожалования, а последствиями. Наш император не был ни мудрецом, ни глупцом, его следует назвать глубоким консерватором, самоуверенным и самовлюбленным донельзя, а еще злопамятным и мстительным. Его ухо ласкало звонкое «камер-юнкер», но не мрачное «сочинитель». Оценить Пушкина он не мог и не умел.

Приведу мнение Александра II о Пушкине, услышанное состоявшим в его свите А. А. Пушкиным, сыном поэта, записанное его кузеном А. Л. Пушкиным:

«Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора. Казалось, что поэт не скрывает своего пренебрежительного отношения ко двору и к окружающим поэта верноподданным государя. Никто не может отрицать, что поэзия Пушкина плохо действовала на поведение молодежи... Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России. Двор не мог предотвратить гибель поэтов, ибо они были слишком сильными противниками самодержавия и неограниченной монархии, что отражалось на деятельности трех защитников государя — Бенкендорфа, Мордвинова и Дубельта и не вызывало у них необходимости сохранить жизнь поэтам. Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова: они могли быть украшением двора — воспеть самодержца»¹⁶.

Страшные слова! Так ли говорил Александр II, мог ли он такое сказать сыну поэта, зачем ему требовалось это говорить, не выдумал ли А. Л. Пушкин, искажил ли слова брата, точно ли передал А. А. Пушкин услышанное от Александра II? Тем не менее родной племянник поэта оставил нам этот текст, возможно сказанный учеником В. Жуковского, его воспитанником и почитателем. В разыгравшейся драме Николай I именно так относился к свободолюбивому вольнодумцу Пушкину.

П. Е. Щеголев, многие годы изучавший отношения поэта и царя, пишет: «Вопрос об отношениях царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин пред-

¹⁴ Пушкин не заказывал дорогостоящий мундир. Продававшийся за ненадобностью мундир князя Витгенштейна приобрел для него Н. Н. Смирнов (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. СПб., 1998. С. 278, 541).

¹⁵ Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба // Русский архив. 1865. № 5—6. Стб. 755.

¹⁶ Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 31—32.

ставляется ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собой надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин»¹⁷.

Царь желал этому чужому ему человеку добра, желал, чтобы поэт играл достойную его, императора, роль, чтобы приносил ему, Николаю Павловичу, пользу. Иначе зачем назначать сочинителя Пушкина историографом и доверять ему копаться в секретных бумагах. К работе в архивах допускались те, кому власть доверяет абсолютно. Не случайно словом «архив» в I веке до Р. Х. начали называть место хранения документов. Слово это происходит от греческого *αρχή* — власть. Власть привязывала историографа к себе, делала его без нее беспомощным.

Из 786 известных нам писем Александра Сергеевича 54 адресованы начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шефу Корпуса жандармов графу А. Х. Бенкендорфу, ближайшему к императору лицу.

Письма 1835—1836 годов содержат объяснения катастрофического положения семьи поэта и просьбы о предоставлении ссуд, займов, оплате расходов на издание его произведений¹⁸. Предполагаю, что хладнокровный Александр Христофорович тихо радовался, что может себе позволить не каждый раз устремляться на помощь просителю Пушкину и монарх его за это даже не пожурит.

Во второй половине июля 1831 года в Царском Селе произошла неожиданная встреча императора с поэтом. Приятельница Пушкина А. О. Россет запечатлела разговор Николая I с Александром Сергеевичем: «Государь сказал Пушкину, что хотел бы, чтобы король Нидерландский отдал ему домик Петра Великого в Саардаме. На что Пушкин, шутя, попросил назначить его дворником. Николай рассмеялся и сказал: „Я согласен, а покамест назначаю тебя историком и даю позволение работать в тайных архивах“. Тогда же император приказал А. Х. Бенкендорфу „написать графу Нессельроде, что государь велел его (А. С. Пушкина. — Ф. Л.) принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого. Не угодно ли будет графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье“»¹⁹.

22 июля 1831 года Пушкин пишет П. А. Плетневу: «К стати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite*. Ей-богу, он со мною мил»²⁰.

14 ноября 1831 года «высочайшим приказом» коллежский секретарь Пушкин зачислен в Коллегию иностранных дел с жалованьем пять тысяч рублей в год²¹. Вслед за чтимым всеми Николаем Михайловичем Карамзиным его назначили историографом. Александр Сергеевич был счастлив. История интересовала его с лицейских времен. Позже обнаружилось, что он, бесспорно, был одарен талантом историка²². Предполагаю, что первая избранная им тема — история Петра I — названа не только из любви к истории Отечества. Пытаясь в 1827 году написать исторический роман о своем африканском прадеде, он понял, что располагает недостаточным числом документов.

¹⁷ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 128.

¹⁸ См.: Пушкин А. С. Письма последних лет. Л., 1969.

¹⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 3 (1829—1832). М., 1999. С. 361, далее Летопись.

²⁰ Пушкин. Письма. Т. III. С. 37. Перевод с франц.: Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни (буквально: Заправить его кастрюлю).

²¹ Пушкин. Письма. Т. III. С. 359—360.

²² Читайте: Пушкин А. С. История пугачевского бунта.

Лишь при изучении эпохи Петра Великого и до Екатерины II ему удастся собрать материал для завершения начатого романа²³. Занимаясь пугачевским бунтом, он написал «Капитанскую дочку».

В России никто, кроме императора, не мог допустить к работе в архиве. Правители всех стран во все времена ревностно охраняли архивы: проникновение в них не имеющего репутацию верноподданного влечет за собой опасность распространения секретных сведений. Только власть и доверенные лица вправе располагать полнотой информации. Чиновники для службы в архивах Российской империи отбирались тщательнейшим образом. Государственный архив находился на последнем этаже здания Главного штаба в помещениях Коллегии иностранных дел²⁴. Всеми секретными документами архива ведал правитель Канцелярии министерства, тайный советник В. А. Поленов (1776—1851), человек весьма образованный. С 1831 года и до кончины в 1837 году Александр Сергеевич часто посещал Государственный архив, знакомясь с бумагами, запечатлевшими деятельность Петра I и пугачевский бунт. Вскоре Пушкин и Поленов прониклись друг к другу взаимным уважением и даже симпатией.

Разрешение монарха работать с архивными документами не освобождало Пушкина от необходимости преодоления николаевской бюрократии. Постоянно приходилось обращаться то к одному, то к другому министрам с просьбами выдать хранящиеся в их ведомствах документы. Завязывалась переписка, в нее включались третьи и четвертые лица. Решений, не всегда положительных, приходилось ждать месяцами²⁵. Интенсивно работать над «Историей Петра» Пушкину удалось лишь в 1835 году. Ранее все время отнимала «История пугачевского бунта»²⁶. В 1836 году ему было не до архивов — лавина разного рода мерзостей полностью захлестнула его.

Уже в 1831 году, молодое семейство нуждалось в деньгах, голова Александра Сергеевича все более заполнялась мыслями о хлебе насущном. Уже тогда, Медная бабушка напоминала ему о себе.

16 декабря 1775 года Екатерина II посетила калужское имение Гончаровых Полотняный Завод с Парусно-полотняной и писчебумажной фабрикой. Прапрадед невесты А. А. Гончаров испросил разрешение императрицы в память этого события поставить в имении ее монумент. Получив согласие Екатерины II, А. А. Гончаров заказал берлинскому ваятелю В.-Х. Мейеру ее скульптуру. После отливки и чеканки статуи весом около трех тонн и высотой более трех метров ее отправили в Петербург, оттуда в Полотняный Завод, но не воздвигли. Наталья Николаевна 25—27 мая 1830 года представила главе семейства Гончаровых Афанасию Николаевичу (1760—1832) своего жениха Александра Сергеевича. Дед невесты подробно обсудил с женихом проект несостоявшегося дарения невесте в составе приданого части нижегородского имения Катунки. Заодно неупутевый Афанасий Николаевич, промотавший огромное отцовское состояние, предложил Пушкину помочь ему продать Медную бабушку, а вырученные деньги присоединить к приданому внучки.

29 мая 1830 года по просьбе А. Н. Гончарова Пушкин обращается к Бенкендорфу с просьбой о получении разрешения на переплавку Медной бабушки. 26 июня Бенкендорф сообщил Пушкину, что государь «высочайше изъявил соизволение свое на расплавление». Часть 1830-го и весь 1831 год статуя без движения пролежала в Полотняном Заводе. Мучимый мыслью о внучке-бесприданнице Афанасий Николаевич

²³ См.: Лурье Ф. М. Абрам Ганнибал: Африканский прадед русского гения. СПб., 2012. С. 10—77; его же. Абрам Ганнибал. М., 2019. С. 9—67.

²⁴ См.: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. М., 1964. С. 131.

²⁵ См.: «Пушкин». Документы Государственного С.-Петербургского и Главного архива Министерства иностранных дел, относящихся к службе его 1831—1837. СПб., 1900.

²⁶ Вышла из печати 25 декабря 1834 года.

в феврале 1832 года появился в Петербурге и на годовщину венчания подарил Наталье Николаевне залежавшийся монумент. Медную бабушку привезли в столицу в начале мая 1832 года и поставили во дворе дома Алымова (на территории: Фурштатская, 20), где Пушкины снимали квартиру.

8 июня 1832 года Александр Сергеевич пишет Бенкендорфу второе письмо по поводу Медной бабушки. Основываясь на предварительной с ним беседе по поводу монумента, Пушкин предлагает правительству приобрести его за 25 000 рублей, «что составляет четверть его стоимости». Бенкендорф передал письмо министру императорского двора князю П. М. Волконскому. Волконский обратился к президенту Академии художеств А. Н. Оленину с просьбой о создании комиссии с целью «осмотреть означенную статую и донести как о достоинстве оной, так и о цене ее». 12 июля был составлен акт осмотра Медной бабушки. Комиссия решила: «...колоссальная статуя Екатерины II <...> заслуживает внимания правительства; что же касается до цены сей статуи 25 тысяч рублей, то мы находим ее слишком умеренной, ибо одного металла, полагать можно, имеется в ней, по крайней мере, на двенадцать тысяч рублей, и если бы теперь заказать сделать такую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой г. Пушкиным». Не получив ответа на письмо Пушкина Бенкендорфу от 8 июня 1832 года, Наталья Николаевна 8 февраля 1833 года отправила Волконскому просьбу сообщить о его решении. 25 февраля Пушкины получили сообщение об отказе правительства от покупки Медной бабушки²⁷. При переезде от Алымова монумент удалось отправить на литейный завод Франца Берда. В 1835–1836 годах Александр Сергеевич продал Медную бабушку владельцу завода за три тысячи рублей²⁸. Незадолго до кончины Александру Сергеевичу удалось получить большую часть приданого.

От унизительных поисков средств возвратимся к трудам историографа. Последняя запись в коротком дневнике А. С. Пушкина помечена февралем 1835 года и начинается фразой: «С Генваря очень занят Петром»²⁹. Больше ничего о своей работе над «Историей Петра» он не пишет. Приведем извлечение из комментариев выдающегося пушкиниста Б. Л. Модзалевского (1874–1928) к этой записи Александра Сергеевича: «О. Н. Смирнова (дочь А. О. Россет. — Ф. Л.) прибавляет к этому месту записок [А. О. Россет]: «Моя мать сделала юмористическое замечание по этому поводу. Уваров, недовольный тем, что Государь назначил Пушкина на место [историографа Н. М.] Карамзина, жаловался [Е. А.] Карамзиной (его вдове. — Ф. Л.), думая ей угодить. Она ответила сухо: „Я в восторге, если бы Государь только знал, какое он доставил мне удовольствие. Муж мой также одобрил бы его“. Моя мать прибавляет: „Уваров полагает, что надо быть лысым, беззубым, пузатым и носить очки, чтобы быть ученым! Или же быть Уваровым, или, по меньшей мере, Устряловым“». В 1833 году Пушкин привлекал к сотрудничеству в этой работе М. П. Погодина, но союз этот не состоялся, и Пушкин трудился самостоятельно — в Петербурге и в Москве. В начале апреля поэт писал Погодину: «К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы — к исторической кафедре». Говоря о работах Пушкина над историей Петра Великого, Н. М. Смирнов (муж А. О. Россет и отец О. Н. Смирновой. — Ф. Л.) свидетельствует, что Петр был «идолом Пушкина», который «этим делом занимался с любовью, но не хотел начать писать прежде, чем соберет все нужные материалы, и для достижения сего читал все, что было напечатано о сем государе, и рылся во всех архивах. Многие сомневались, чтобы он был в состоянии написать столь серьезное сочинение, чтобы у него досталось на то терпения. Зная коротко Пушкина (и мое мнение разделено Жуковским, Вязем-

²⁷ См.: Пушкин. Письма. Т. III. С. 502–505.

²⁸ См.: Чарейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 36.

²⁹ Дневник Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. С. 26.

ским, Плетневым), я уверен, что он вполне удовлетворил бы строгим ожиданиям публики; ибо под личиною иногда ветрености и всегда светского человека, он имел высокий, пронизательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду мельчайших обстоятельств в самых дальних предметах, высокоблагородную душу, большие познания в Истории, — словом, все качества, нужные для историографа, к которым он присоединил еще свой блистательный талант, как писатель. Нельзя также сомневаться, чтобы у него не доставало бы терпения для окончания столько важного сочинения; ибо он имел в важных случаях твердую волю и благоговение, которое он имел к Петру I, вооружало его нужным терпением. Он же доказал трудами своими в собирании справок, долгим изучением своего предмета, и в глазах знающих коротко Пушкина медленность его в начатии писать историю великого государя служила доказательством его твердого намерения посвятить все силы своего ума». Результатом усердных и кропотливых трудов Пушкина, прерванных лишь смертью, было обширное собрание разнородных, едва обработанных материалов и данных для его работы. Но, как правильно говорит П. В. Анненков, «то, что у Пушкина называется материалом для Истории, не представляет собственно материалов, но только выписки из них и ссылки. Это черновая работа, свидетельствующая о добросовестности, с которой приступил он к задаче своей: Пушкин употребил 5 лет на один первый, подготовительный труд. Конечно, не менее времени потребовала бы и полная разработка его»; далее Анненков дает подробную характеристику всех собранных Пушкиным материалов по истории Петра I и указывает, что, судя по дате, стоящей под последней тетрадью чернового, хронологического, погодного свода сведений о Петре, поэт кончил его 15 декабря 1835 года. Этот свод, заключающийся в целом ряде набело переписанных самим Пушкиным тетрадей, был в 1840 году передан в цензуру как предназначенный для печати и разрешен ею, но остался неизданным; ныне эти рукописи принадлежат Пушкинскому Дому при Российской академии наук. П. Е. Щеголев в одном из научных собраний Пушкинского Дома в 1921 году делал о них специальный доклад. О работе Пушкина над историей Петра Великого см. в статье В. С. Иконникова «Исторические воззрения Пушкина»³⁰.

«Дневник» расположен на 26 страницах, комментарии к нему на 220-ти. Так Модзалевский комментировал тексты. Читать им написанное чрезвычайно интересно, поучительно и полезно.

13 октября 1836 года по просьбе Пушкина его однокашник М. А. Корф передал ему список книг, содержащих сведения о Петре I. Названия книг он выписал из составленного им каталога «Россики»³¹. На другой день благодарный историограф пишет Корфу: «Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитированных книг мне неизвестна. Употреблю все возможные старания, дабы их добыть»³².

За три недели до кончины по приглашению Пушкина его посетил сын историка Е. Е. Келлера лицеист четвертого курса Д. Е. Келлер. Запись их разговора сохранил его дневник: «На вопрос о своей „Истории Петра“ Пушкин ответил: „Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам“. О занятиях историей Петра сказал (по-французски): „Эта работа убийственная <...> если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее“»³³.

³⁰ Там же. С. 238–239. Уваров С. С. (1786–1855) — президент Академии наук, министр просвещения, председатель Главного управления цензуры. Устрялов Н. Г. (1805–1870) — профессор, историограф, автор «Истории царствования Петра Великого».

³¹ Летопись. Т. 4. С. 510.

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 16. М., 1997. С. 168.

³³ Летопись. Т. 4. С. 566–567.

Осмелюсь предположить: со сроками окончания «Истории Петра» Александр Сергеевич погорячился. Ключевая фраза в разговоре с Келлером — последняя. Время шло, работа продвигалась медленно. Получаемое за нее жалование следовало отрабатывать. Царские деньги требовали воздержания в поступках и высказываниях: не критикуй, не ворчи, умерь пыл, а это раздражало — изволь ревностно, как службу, посещать балы. Язвительный Н. В. Гоголь пишет: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Так протранжирует всю жизнь, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не затащит его в деревню»³⁴. Раздражение не способствует творчеству, на литературный труд почти не оставалось времени. Если бы Н. М. Карамзину навязали подобный образ жизни, то мы вряд ли увидели его великий труд «Историю государства Российского». При назначении историографом в 1803 году Николаю Михайловичу установили жалование 2000 рублей. Зимой он с семьей жил в Москве, а летом в имении Вяземских Остафьево. На сводной сестре П. А. Вяземского Карамзин был женат. При переезде в конце жизни в столицу ему в Царском Селе давали казенную дачу. В 1825 году Николай I установил Карамзину пенсию 50 000 рублей, по его кончине пенсия переходила к вдове. Ни мундиров, ни бальных платьев у старшего поколения Карамзиных не было.

Летом 1835 года Александр Сергеевич посчитал, что за год проживания в столице растущая семья потратила 30 000 рублей. Год спустя в письме жене он называет ничем не обоснованные 80 000 рублей, необходимые для той жизни, какой они живут. Сохранились записи П. Е. Щеголева, сделанные им при подготовке к докладу «Бюджет Пушкина в последние годы его жизни»³⁵. Доходы семьи складывались из трех источников: от поместий (целиком уходило на содержание родственников и погашение процентов за залоги в Опекунский совет); жалование историографа и главный источник дохода — литературные заработки³⁶. Разумеется, при таком образе жизни литературным трудом содержать семью Пушкин не мог. Безрезультатные попытки вырваться из созданного не им положения погружали в отчаяние. От раздражения в его умнейшей голове зрели непродуманные планы, их реализация приводила к еще худшей ситуации. Точнее, правдивее всего душевное состояние Пушкина запечатлели его письма и стихи.

Летом 1834 года мучимый катастрофическими долгами и несовместимостью должности историографа с обязанностями камер-юнкера Александр Сергеевич решил подать в отставку и с семьей поселиться в деревне. Теоретически это прекращало его бедственное положение. Не продумав последствий, не посоветовавшись с В. А. Жуковским, верным другом, близким к императору лицом, он 25 июня пишет А. Х. Бенкендорфу:

Граф,

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу, и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга.
Александр Пушкин³⁷.

³⁴ Письма Гоголя. Т. I. С. 241. Письмо А. Данилевскому, начало 1833 г.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 219.

³⁶ См.: Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 233—234.

³⁷ Пушкин А. С. Там же. С. 52—53.

В ожидании ответа Пушкин пишет два катрена, предполагая в дальнейшем стихотворение завершить.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

После обсуждения с императором просьбы историографа об отставке Бенкендорф 30 июня 1834 года сообщает Пушкину:

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в подлиннике, и его императорское величество, не желая ни кого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено. —

Затем на просьбу вашу, о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок, государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства. —

С совершенным почтением имею честь быть ваш покорный слуга граф Бенкендорф³⁸.

Тогда же состоялись два разговора Николая I с Жуковским. Император с раздражением говорил о желании Пушкина получить отставку. Встревоженный Василий Андреевич отправляет Александру Сергеевичу четыре письма: 1 июля (не сохранилось), 2, 3 и 6 июля³⁹. Письма пропитаны тревогой за друга, упреком, почему не сказал ему о причинах, вынудивших просить отставку (тогда он назвал бы их возмущенному императору, и, возможно, он сменил бы гнев на милость), как мог проситель об отставке не подумать о последствиях, совершить такую глупость. Надобно умолять Николая Павловича простить его, неблагодарного, каяться изо всех сил. Во всех письмах Жуковский называет Пушкина глупцом. Поняв, что действительно совершил ошибку, Александр Сергеевич пишет 3 июля Бенкендорфу:

Граф,

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к Вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблагоприятен, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга Александр Пушкин⁴⁰.

³⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 15. С. 171.

³⁹ См.: там же. С. 171, 172, 175.

⁴⁰ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 57.

Вероятно, Александр Сергеевич считал недостаточным раскаяние в этом письме и на другой день отправляет Бенкендорфу новое письмо:

Милостивый государь граф Александр Христофорович.

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доньше был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но, во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой, преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга

Александр Пушкин.

4 июля 1834.

С. П. Б.⁴¹

Письмо Жуковского Пушкину от 6 июля начинается следующей фразой: «Я право не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение»⁴². Далее он выражает недовольство содержанием его писем Бенкендорфу от 25 июня, 3 и 4 июля, требует внятного объяснения причин, побудивших просить об отставке, и извинений за досаду и раздражение, испытанные добрейшим монархом в связи со сложившимися обстоятельствами. Ознакомившись с письмом Жуковского, Пушкин старается выполнить совет друга:

Граф,

Позвольте мне говорить с вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь, — эта была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь изъявить вам мое высокое уважение.

Остаюсь с почтением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга Александр Пушкин.

6 июля. С.-П.⁴³.

Он знал, что отправка писем Бенкендорфу влечет за собой их передачу или пересказ императору. Гордость и чувство собственного достоинства требовали объяснить

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 15. С. 175.

⁴³ Там же. С. 59–60.

причину прошения об отставке «семейными делами» и не сообщать о бедственном положении семьи. Иначе просьба об отставке звучит как мольба о вспомоществовании, чего Пушкин не желал допустить. На этот раз ему удалось удержаться, нервы позволили.

История с отставкой кончилась ничем. Иначе она и не могла кончиться — ехать отставному историографу было некуда, не было такой деревни у Александра Сергеевича⁴⁴. Если бы вопрос деревни удалось уладить, то всплыло бы иное препятствие. Наталья Николаевна, пожившая в Полотняном Заводе, слышать не желала об отъезде в деревню⁴⁵. Учитывая содержание письма от 6 июля, император вынес решение о том, что Пушкин никаких прошений не подавал. Позже несостоявшийся отставник записал в дневнике: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился со двором — но все перемололось. Однако это мне не пройдет»⁴⁶. Не впервые подтвердилось, что свет, двор не его, а он не их, он для них чужой и неисправимый вольнодумец. У власти свой взгляд на происходящее: сколько милостей оказано ему, а он неблагодарный. Стихотворение «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит» дописать не случилось. И с «Это мне не пройдет» он оказался прав.

8 января 1835 года Александр Сергеевич оставил в дневнике последнюю запись. В ней имеется следующий сюжет:

«Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 рублей — Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. — „Дороже нет“, — отвечал Волконский. — „Если так, делать нечего, — отвечал Государь; — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе“. Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелись уже в 60 000 рублей».

В обширном комментарии к этому тексту Б. Л. Модзалевский пишет, что только в 1834 году министр Императорского двора, управляющий Кабинетом его императорского величества князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852) получил особую трость, украшенную бриллиантами и титул «светлости»⁴⁷. Своих особо преданных верноподанных Николай I одаривать не скупился. Табакерка за 60 000 рублей кому-то, отнюдь не бедствующему, досталась в подарок. Каково было все это знать дошедшему до крайности первому поэту Отечества.

Новые попытки изменить ухудшающееся положение семьи Александр Сергеевич предпринял весной 1835 года. Еще в 1825 году Пушкин начал думать об издании литературно-политической газеты. В 1831 году предпринял попытку организовать выпуск газеты «Дневник». В 1832 году был составлен пробный номер. По разным причинам до реализации дело не дошло⁴⁸. 16 апреля 1835 года Пушкин посетил Бенкендорфа, на встрече говорили об издании литературно-политической газеты⁴⁹. Вскоре ему «было объявлено, что Николай I не дал разрешения на издание газеты»⁵⁰. Спустя восемь месяцев в письме от 31 декабря 1835 года Пушкин просил Бенкендорфа о разрешении издавать литературный журнал⁵¹. После доклада императору Бенкендорф известил председателя Главного цензурного управления, министра просвещения С. С. Уварова о высочайшем соизволении. 11 апреля 1836 года увидел свет пер-

⁴⁴ Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 20.

⁴⁵ См.: Летопись. Т. 4. С. 336.

⁴⁶ Дневник Пушкина. С. 20.

⁴⁷ Там же. С. 25, 232.

⁴⁸ См.: Пушкин. Письма. Т. III. С. 489—500.

⁴⁹ См.: Летопись. Т. 4. С. 298.

⁵⁰ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 266.

⁵¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 16. М., 1997. С. 168.

вый том пушкинского «Современника». При тираже 2400 экземпляров удалось распространить лишь треть. Доход от журнала, на что надеялся Александр Сергеевич, обернулся убытком. Второй том, отпечатанный тем же тиражом, поверг издателя в еще худшее положение. Полный провал. До самой его кончины материальное положение семьи хоть сколько-нибудь улучшить не удалось.

Через месяц после получения отказа на издание газеты Пушкин вновь обращается к Бенкендорфу:

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унижительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне способ получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это внушало мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые лишь увлекают меня в долги и готовят мне в будущем только тревоги и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям его величества.

Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаянии, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем не как государь, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

1 июня. С. П. Б.⁵²

На письме имеется резолюция Николая I: «Нет препятствия ему ехать куда хочет, но не знаю, разумеет он согласовать сие со службой; спросить хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок». Милая резолюция самодержца, который выше закона и может все.

На этот раз автор письма более внятно сообщает о бедственном положении семьи. В резолюции Николая I, вопреки предположению Жуковского, ничего нет о материальной помощи. Ознакомившись с резолюцией императора, Пушкин пишет Бенкендорфу:

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

⁵² Там же. С. 94, 266.

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу в царскую волю, и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,
милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.
4 июля 1835. С. П. Б.⁵³

Помета на письме рукою Бенкендорфа: «Есть ли ему нужны деньги государь готов ему помочь, пусть мне скажет; есть ли нужно дома побывать то может взять отпуск на 4 месяца»⁵⁴.

Казалось бы, понятнее и быть не может, что просителю нужны деньги.
Следующее письмо Пушкина Бенкендорфу:

Граф,

Я имел честь явиться к вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал вас дома. Осыпанный милостями его величества, к вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей.

Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи; это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства, и единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо одновременно занять крупную сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.
22 июля 1835. С.-Петербург⁵⁵

Помета на письме рукою Бенкендорфа: «Император предлагает ему 10 тысяч рублей и отпуск на 6 месяцев, после которого он посмотрит, должен ли он брать отставку или нет»⁵⁶.

Издательская реакция Николая I на письмо Александра Сергеевича от 22 июля не могла его удовлетворить, и он пишет Бенкендорфу последнее из этой серии обращения:

⁵³ Там же. С. 98—99.

⁵⁴ Там же. С. 268.

⁵⁵ Там же. С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 269.

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто соизволил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя.

Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

26 июля 1835. С.-Петербург⁵⁷.

Помета на письме рукою Бенкендорфа: «Император отпускает ему 30 тысяч рублей с удержанием, как он того просит, его жалованья»⁵⁸.

Пушкин пытается объяснить, что ему и семье не на что жить. От щедрот своих монарх распоряжается выдать историографу его жалованье за шесть лет вперед. Откровенное свидетельство отношения к истинной гордости России, ее национальному достоянию. Или сделал вид, что не понял, или «сытый Сганарель думает, что семья накормлена» (Мольер). Превосходно понимал.

Бабка Николая I Екатерина Великая, как бы она поступила? Предполагаю, погасила бы все долги поэта и увеличила жалованье. Она знала толк в литературе и политике, не стала бы советовать, как и что писать гению, как это имел наглость делать ее внук. В 1765 году мудрая императрица приобрела библиотеку Дени Дидро (1713—1784) с тем, что книги до кончины владельца оставались в его собственности, и назначила его библиотекарем с пожизненным жалованьем. Узнав, что обещанные деньги он получает нерегулярно, Екатерина Алексеевна распорядилась выплатить ему жалованье за 20 лет вперед. Вся Европа знала об уме и щедрости русской императрицы. Завидные гены Екатерины Великой по пути к Николаю Павловичу куда-то подевались.

Наверное, внук Екатерины II догадывался, что Пушкин желает получить отпуск от балов, парадов, приемов, торжественных богослужений, где ему приходилось в толпе юных камер-юнкеров слушать светскую болтовню. В отпуске он нуждался, чтобы погрузиться в работу. Но власть терпела камер-юнкера Пушкина, и ни в каком ином она не нуждалась. За это ему платили. Тридцать тысяч взаймы удалось получить из казначейства не сразу, пришлось обращаться к министру финансов графу Е. Ф. Канкрину⁵⁹. Лишь 30 сентября царь написал: «Исполнить».

После унижительных переговоров с властью истерзанный Александр Сергеевич, находясь в подавленном состоянии, отправился во Псковскую губернию. Находясь там, за 40 дней (10 сентября — 20 октября) он большую часть времени провел в Голубове (три визита), имении Вревских, Тригорском (четыре визита), имении Осиповых и лишь немногие дни в Михайловском. Его мучило одиночество, оставаясь в Михайловском, он еще и еще переживал унижительное выпрашивание денег — проклятую переписку с надменным, бесчувственным бревном Бенкендорфом, последнюю резо-

⁵⁷ Там же. С. 102—103.

⁵⁸ Там же. С. 270.

⁵⁹ Там же. С. 105, 112.

люцию царя-благодетеля. Из этой псковской поездки сохранилось пять писем к Наталье Николаевне. 21 сентября 1835 года Пушкин пишет: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполонину промотал; Ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Все держится на мне, да на тетке. Ни я, ни тетка не вечны»⁶⁰. В письме от 29 сентября есть следующие строки: «Г.<осударь> <...> заставляет меня жить в П.<етер> Б.<урге>, а не дает мне способов жить моим трудом. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые, и не вижу ничего в будущем»⁶¹.

Наталья Николаевна знала почти все о непреодолимых трудностях мужа, о его переживаниях, как могла, пыталась ему помочь. В конце июля 1836 года она пишет брату Дмитрию:

«Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах.

Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сестры, и, если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна. И, стало быть, ты легко поймешь, дорогой Дмитрий, что я обратилась к тебе, чтобы ты мне помог в моей крайней нужде. Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере, содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что если бы он знал об этом, то несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать. Итак, ты не рассердишься на меня, дорогой Дмитрий, за то, что есть нескромного в моей просьбе, будь уверен, что только крайняя необходимость придает мне смелость докучать тебе»⁶².

Из родных и близких лишь Наталья Николаевна, В. А. Жуковский и, возможно, С. А. Соболевский понимали состояние Александра Сергеевича и переживали за него. Родители Пушкина взволновались, получив письмо младшего сына — лоботряса, где он сообщает, что погибает от нищеты. Родители не знают, что деньги, взятые займы, он тратит на карточные игры и кутежи, а его долги оплачивает старший брат. Матушка от неприятного известия заболела. К старшему сыну постоянные претензии. Не успел Александр Сергеевич получить щедрый государев заем, как родня оживилась — сестра срочно пишет мужу-вымогателю о тридцати тысячах. 29 марта 1836 года скончалась долго болевшая Надежда Осиповна. Хоронить ее в Святогорский мона-

⁶⁰ Там же. С. 107–108; тетка Е. И. Загряжская, сестра Н. И. Гончаровой, матери Н. Н. Пушкиной.

⁶¹ Там же. С. 109.

⁶² Обнинская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. Неизданные письма Н. Н. Пушкиной, Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975. С. 175–176.

стырь отправился Александр Сергеевич. Все семейство — отец, брат, сестра и ее муж-вымогатель — тяжелым грузом висело у него на шее. Но были еще четверо детей с женой и отчасти свояченицы.

Закончим материальную тему следующим сюжетом. Весной 1835 года С. А. Соболевский познакомил Пушкина с отставным подполковником А. П. Шишкиным (1787—1838), «самым добрым и честным ростовщиком». Под залог жемчуга, столового серебра, шалей и часов «брегет», принадлежавших Соболевскому, А. Н. Гончаровой, Н. Н. и А. С. Пушкиным, с 1 апреля 1835 года по конец января 1837 года только у Шишкина Александр Сергеевич получил 20 440 рублей, то есть 2/3 годового содержания семьи. Последний поход к Шишкину состоялся 24 января 1837 года (дуэль произошла 27 января). Под залог столового серебра А. Н. Гончаровой он получил 2200 рублей. Осевший у Шишкина за это время залог был выкуплен в течение 1837 года. Благородный Соболевский последним получил свое столовое серебро 24 января 1838 года. В этот же период Пушкины под заемные письма взяли у В. Г. Юрьева 13 900 рублей, долг после кончины Пушкина оплатила Опека⁶³. Расходы семьи в 1836 году полностью покрывались деньгами ростовщиков.

Николай Михайлович Смирнов, не раз выручавший Александра Сергеевича деньгами, пишет: «Я уверен, что беспокойствия о будущей судьбе семейства, долги и вечные заботы о существовании были главною причиною той раздражительности, которую он показал в происшествиях, бывших причиною его смерти»⁶⁴.

В январе 1836 года вспыхнул скандал по поводу опубликованного осенью 1835 года стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла». Всеми узнанный в нем С. С. Уваров через Бенкендорфа пожаловался императору. В результате разбирательства Пушкину было передано неудовольствие Николая I. Цензура находилась в ведении Уварова, Александру Сергеевичу и раньше докучали цензоры. Не надо было досажать их шефу. Но реакция на обиды, сыпавшиеся от цензуры, независимо от поэта вызревала стихами. Стихи сами по себе выплескивались из него. Не мог он иначе, хотя и знал, что это усложнит ему жизнь.

В феврале 1836 года Пушкин мог довести до дуэли три пустяковых, почти надуманных им инцидента с С. С. Хлюстиным, князем Н. Г. Репниным и графом В. А. Соллогубом. Слава богу, все закончилось миром. Александр Сергеевич не искал смерти, он, быть может, неосознанно нуждался в разрядке от нарастающего напряженного состояния, в котором находился не один год.

Свидетель первого конфликта Г. П. Небольсин пишет:

«Приехав к нему вместе со старым его знакомым гусаром Хлюстиным, я был принят им по обыкновению весьма любезно и сначала беседа шла бойко, пока не коснулась литературы русской, с которой Хлюстин, живя долго за границей как человек очень богатый, получивший французское воспитание, был мало знаком. Он упомянул между прочим, что Булгарин писатель недурной и романист с дарованием. Это взорвало Пушкина, он вышел из себя, наговорил Хлюстину дерзостей, так что мне пришлось с ним удалиться. Затем между Хлюстиным и Пушкиным завязалась переписка в таких обоюдных оскорбительных выражениях, что только усилия общих знакомых могли предупредить неизбежную между ними дуэль»⁶⁵.

Последний год он жил в материальном и духовном аду. Казалось бы, достаточно катастрофических неприятностей и тысячи мелких невзгод, куда еще хуже? Ан нет. 8 октября 1833 года в Россию прибыл барон Жорж Дантес (1812—1895). Имея реко-

⁶³ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. IV. С. 293, 390, 411, 496, 500, 540, 559, 581, 653, 654; Чарейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 499.

⁶⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 272.

⁶⁵ Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971. С. 71.

мендательное письмо прусского принца Вильгельма, он был допущен к облегченному офицерскому экзамену, успешно сданному. 8 февраля 1834 года только что испеченного корнета зачислили в привилегированный гвардейский Кавалергардский полк. По случаю получения Дантесом офицерского чина Александр Сергеевич 26 января 1834 года записал в дневнике: «Гвардия ропщет»⁶⁶. Запомните это выражение, мы к нему возвратимся вслед за развязкой надвигавшейся драмы.

По пути в Россию Дантес познакомился с бароном Луи Борхардом Геккереном де Бевверваардом (1792—1884), нидерландским посланником при русском дворе, и они на одном пароходе прибыли в Кронштадт. Вскоре солидный дипломат пожелал усыновить молодого корнета и дать ему свою фамилию. Усыновление объясняло, почему два неженатых мужчины проживают вместе. Чтобы не вносить путаницу, мы новой фамилией Дантеса пользоваться не будем, еще и потому что усыновление это голландские власти не признали⁶⁷. Для Дантеса вопрос денег решил сам собой. Можно было жить у Геккерена, не возбуждая нежелательных слухов. О законном отцовстве «отец» и «сын» соврали. Возможно, соврал Геккерн, а Дантес не знал, что отцовство *может* вступить в силу лишь через год, а *может* и не вступить⁶⁸. Не вступило.

Высокий, стройный красавчик, обаятельный беззаботный весельчак, к тому же француз, женщины без ума, почти поголовно. Он тотчас привык всем нравиться, все получать сполна. Его не покидал восторг от самого себя и окружающих. Он носился с бала на бал, плясал с невестами, высматривая самую подходящую, неосторожно флиртовал, и это сходило ему с рук. Жизнь в России, Петербурге ему нравилась все больше и больше. Служба барона Дантеса шла наилучшим образом, необходимо стараться, и он старался. 26 января 1836 года его произвели в поручики. Получением очередного чина Дантес обязан собственному радению.

В конце 1835 года произошло знакомство Натальи Николаевны с Дантесом. 20 января 1836 года «приемный сын» сообщил Геккерну («отец» находился вне России с весны 1835-го по май 1836 года), что влюблен в жену Пушкина. Робкие знаки внимания не вызвали осуждения. Свойство красивой женщины — нравиться. Молодой, жизнерадостной, неискушенной красавице льстило ухаживание блистательного кавалергарда, на которого с восхищением смотрят все женщины столицы. 5 февраля 1836 года М. Мердер (1815—1870), дочь воспитателя наследника престола, сделала в дневнике следующую запись: «Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу; барон (Дантес. — Ф. Л.) танцевал мазурку с г-жою Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту!»⁶⁹ Г. М. Седова вполне обоснованно сомневается в подлинности этого текста⁷⁰.

Мы знаем и другие подобные свидетельства. Д. Ф. Фикельмон пишет, что Наталья Николаевна «развлекалась искренне и без кокетства, пока один француз по имени Дантес, офицер-кавалергард, усыновленный Геккереном, голландским министром, не начал за ней ухаживать; он был влюблен в нее в течение года, как это позволительно всякому молодому человеку, живо восхищаясь ею, но ведя себя тактично и не посещая их дом; однако беспрестанно виделся с ней в свете, и вскоре в тесном дружеском кругу стал более открыто проявлять свою любовь»⁷¹.

Невоспитанный, наглый, избалованный, эгоистичный Дантес не желал скрывать ухаживаний за Натальей Николаевной. Почти весь 1836 год столичный свет наблю-

⁶⁶ Дневник Пушкина. С. 7.

⁶⁷ См.: Витале С., Старк В. Черная речка. До и после — к истории дуэли Пушкина. СПб., 2000. С. 220—221.

⁶⁸ Там же. С. 216.

⁶⁹ Листки из дневника М. К. Мердер // Русская старина. 1900. № 8. С. 384.

⁷⁰ Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 474.

⁷¹ Фикельмон Д. Ф. Дневник. С. 355.

дал за кокетничаньем замужней женщины, матери трех, затем четырех детей. Простодушная, неопытная женщина не заметила, что ухаживания воздыхателя сделались неприлично настойчивыми. Когда же они зашли возмутительно далеко, Наталья Николаевна не смогла поставить наглеца на место. Ей пришлось пережить домогательства, угрозы, возмутительные выходки Дантеса, пошлые нашептывания и уговоры опасного интригана Геккерера.

Н. М. Смирнов, высоко чтивший Александра Сергеевича, вспоминал: «Скоро он страстно влюбился в г-жу Пушкину. Бедная Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива (что иногда случается в никем еще не разгаданных сердцах светских женщин), или из неосторожного кокетства, принимала волокитство Дантеса с удовольствием. Муж это заметил, были домашние объяснения; но дамы легко забывают на балах данные обещания супругам, и Наталья Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло мужа ее хмурить брови»⁷².

Страстная влюбленность Дантеса вызывала сомнение современников, точнее, это была страстная жажда победы во что бы то ни стало. Предполагаю, что поведение Дантеса начало раздражать Пушкина в начале весны 1836 года. Ухаживания эти раздражали не одного его. Княгиня Вера Федоровна Вяземская, верный преданный друг Александра Сергеевича, рассказала историку П. И. Бартеневу:

«Н. Н. Пушкина бывала очень часто у Вяземских, и всякий раз, как она приезжала, являлся и Геккерн (Дантес. — Ф. Л.), про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня напрямик объявила нахалу французу, что она просит его свои ухаживания за женой Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не отходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерена. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзиных»⁷³.

Важные наблюдения оставила нам дочь историка Н. М. Карамзина княгиня Е. Н. Мещерская:

«Собственно говоря, Наталья Николаевна виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую пламенную душу Пушкина. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых, однако ж, из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам»⁷⁴.

Увы, не одна Наталья Николаевна этого не понимала. Даже сестра Е. Н. Мещерской Софья Карамзина не разглядела, что происходило на ее глазах, не поняла, что между Пушкиным и Дантесом нет равенства, между ними зияющая пропасть. Они должны были существовать в непересекающихся плоскостях. Но наша жизнь так устроена: непересекающиеся плоскости пересекаются.

19 октября 1836 года, в 25-ю лицейскую годовщину, Александр Сергеевич работал над стихотворением, посвященным этой дате, но закончить не успел, написал сложнейший мировоззренческий ответ П. Я. Чаадаеву на присланный им текст первого

⁷² См.: Пушкин в воспоминаниях современников. С. 273.

⁷³ Русский архив. 1888. Т. II. С. 308.

⁷⁴ Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Т. 2. СПб., 2017. С. 317.

«Философического письма», завершил роман «Капитанская дочка» и провел пять часов с собравшимися однокашниками⁷⁵. Пушкин читал начало стихотворения:

Была пора, наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

Дальше читать не мог, разрыдался... Встреча получилась невеселой. До появления на свет окаянного пасквиля оставалось шестнадцать дней.

На другой день после встречи с однокашниками Александр Сергеевич пишет отцу: «Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче, чем его сын; этого я не знаю, но не могу и не хочу быть щедрым за их счет.

Я рассчитывал побывать в „Михайловском“ — и не мог. Это расстроит мои дела по меньше мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью»⁷⁶.

Утром 4 ноября 1836 года на набережной Мойки, 12 в квартире Пушкина появился письмоносец городской почты, доставивший анонимный пасквиль. Приведем его текст в переводе с французского:

Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры Светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом капитуле под председательством достопочтенного Великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали господина Александра Сергеевича Пушкина коадьютором Великого магистра Ордена рогоносцев и историографа Ордена.

Непременный секретарь граф Борх⁷⁷.

Тотчас по прочтении пасквиля произошло объяснение Александра Сергеевича с женой⁷⁸. Наталья Николаевна «рассказала о преследованиях, которым она подвергалась

⁷⁵ См.: Летопись. Т. 4. С. 515.

⁷⁶ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 157.

⁷⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 368, далее ссылки только на это издание. Кoadьютор — в католической церкви помощник епископа, впавшего в физическую или духовную дряхлость. Супруга Д. Л. Нарышкина была многолетней любовницей Александра I. Об Иосифе Борхе см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 378. Его жена жила с кучером, а он с форейтором (А. С. Пушкин); см.: Щеголев П. Е. Пушкин и Николай I. Последнее свидание в 1836 году // Из жизни и творчества Пушкина. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 141. В пасквили нет ни слова ни о Дантесе, ни о Наталье Николаевне. Возможно, Пушкин не получил пасквиля, а ознакомился с его содержанием по полученному Е. М. Хитрово. Получение Пушкиным пакета нигде не зафиксировано, кроме неотправленного письма А. Х. Бенкендорфу (см. ниже). Но из него не следует, что один из трех пасквилей, указанных в письме, получен Пушкиным по почте. Подробнее об анонимном пасквили и поисках анонима см., например: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 368–435; Поляков А. С. О смерти Пушкина (по новым материалам). Пг., 1922; Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 34–80; Огонек. 1987. С. 20–21; Лурье Ф. М. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. СПб., 2017. С. 147–217.

⁷⁸ См.: Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 257. Содержание пасквиля Пушкин узнал из присланного ему Е. М. Хитрово, затем пасквиль принес ему Соллогуб, и уж потом его экземпляр доставила городская почта. По прочтении какого экземпляра произошло объяснение с женой, мы не знаем, наверное — Хитрово.

в последние недели, показала мужу письма Дантеса к ней и, возможно Геккерена»⁷⁹. Вечером по городской почте Александр Сергеевич отправил Дантесу вызов⁸⁰. Поводом послужил не «диплом рогоносца», а откровения Натальи Николаевны. Она рассказала о подстроенной 2 ноября И. Г. Полетикой ее встрече с Дантесом. Содержание признания Натальи Николаевны мужу мы можем почерпнуть из записанной П. И. Бартневым беседы с княгиней В. Ф. Вяземской. К ней жена Александра Сергеевича приехала, выбравшись из дома Полетики, «вся впопыхах и с негодованием рассказала, как ей удалось избежать настойчивого преследования Дантеса: „Мадам N (И. Г. Полетика. — Ф. Л.) по настоянию Геккерена (Жорж Дантес. — Ф. Л.) пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому“. Пушкина рассказала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном (Жорж Дантес. — Ф. Л.), тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. К счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки явилась в комнату, и гостя бросилась к ней»⁸¹. Александр Сергеевич, потрясенный рассказом жены, не колеблясь, встал на ее защиту. По прочтении пасквиля он «пришел к заключению, что анонимный пасквиль был мстью Дантеса Наталье Николаевне»⁸².

Наш добросовестный император Николай Павлович желал знать все, что происходило на территории его необъятной империи. Он требовал, чтобы ему докладывали о подвыпившем мужичке, замерзшем под забором в уездном городе Восточной Сибири (читайте отчеты Министерства внутренних дел). Так управлял Николай I империей. Попробуйте не доложить ему вовремя о творящемся у него под носом... Превосходно обо всем осведомленный, он знал и о содержании подлого пасквиля, и о вызовах, отправленных Пушкиным Дантесу, затем Геккерну, мог многое предупредить, предотвратить. Не предотвратил. Злого умысла в этом не было.

По свидетельству дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны, император потребовал найти пасквилянта:

«Воздух был заряжен грозой. Ходили анонимные письма, обвиняющие красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет Дантесу ухаживать за ней. Негритянская кровь Пушкина вскипела. Папá, который проявлял к нему интерес, как к славе России, и желал добра его жене, столь же доброй, как и красивой, приложил все усилия к тому, чтобы его успокоить. Бенкендорфу было поручено предпринять поиски автора писем»⁸³.

Даже при умеренном усердии чиновников III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии можно было отыскать мелочную лавку («приемное место» городской почты) по ее номеру «58», написанному приемщиком на внешних конвертах пасквиля. Мы это видим на сохранившемся внешнем конверте пасквиля, полученного графом Мих. Ю. Виельгорским. «Сиделец» в лавке получал для отправки примерно 2–4 «закрытки» (пакета) в день и вполне мог запомнить отправителя или посылного⁸⁴. Случалось, жандармы бегали по «приемным местам», подобрав полы шинелей, и находили отправителей⁸⁵. Но для этого требовалось особое распоряжение высокого начальства. Вероятно, Бенкендорф не проявил ожидаемую подчиненными жесткость, отдавая это распоряжение. Для этого требовалось хотя бы не ненави-

⁷⁹ Летопись. Т. 4. С. 524.

⁸⁰ См.: Там же. С. 524.

⁸¹ Цит. по: Витале С., Старк В. Черная речка. До и после — к истории дуэли Пушкина. С. 164.

⁸² Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 69.

⁸³ Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 26.

⁸⁴ См.: Быт пушкинского Петербурга. Опыт энциклопедического словаря. П—Я. СПб., 2005.

⁸⁵ См.: Огонек. 1987. № 6. С. 20.

дочь Пушкина. Приемное место № 58 находилось в Коломне, рядом с Покровской площадью на углу Английского проспекта и Прядыльной улицы (ныне ул. Лабутина). Сегодня примерно на этом же месте располагается отделение связи № 8.

5 ноября у Пушкина появился Геккерн и попросил отсрочку дуэли на 24 часа. «Отец» и «сын» понимали, что дуэль поставит крест на их карьерах и в лучшем случае им предстоит позорный отъезд из России. Почему же они о таком развитии событий не подумали раньше?

Утром 6 ноября, не зная, как будут развиваться события, понимая, что в пасквиле читается намек на близость его жены с императором, Пушкин отправил министру финансов Канкрину письмо, в котором сообщает о желании немедленно полностью рассчитаться с казной. В сложившейся ситуации он не желал быть должен императору. «Честь, — пишет П. А. Плетнев, — можно сказать рыцарская, была основанием его поступков. — И он не отступал от своих понятий ни одного разу в жизни при всех искушениях и переменах судьбы своей»⁸⁶. Его долг — 45 000 рублей, из них 25 000 — из тех 30 000, которые он получил осенью 1835 года, то есть те, что он выпрашивал в счет жалованья историографа (5000 уже им погашены). За 45 000 Пушкин предложил купить у него часть деревни Кистенево. Через две недели был получен отказ⁸⁷. Опять финансы не принесли ему хотя бы частичного успокоения.

В тот же день, около полудня к Пушкину явился Геккерн и попросил отсрочки дуэли на две недели. Александр Сергеевич согласился. С получения вызова все действия Дантеса и Геккерна направлены на предотвращение дуэли. Вслед за Геккерном пришел Жуковский, осведомленный Натальей Николаевной о случившемся. На другой день он посетил Геккерна и узнал от него, оказывается, Дантес давно и страстно влюблен в Екатерину, сестру Натальи Николаевны. Обрадованный услышанным, Василий Андреевич едет к Пушкину. Пушкин пришел в ярость, полагая, что это выдумка, направленная на отказ от дуэли.

8 ноября Жуковский у Е. И. Загряжской встретился с Геккерном. Барон повторил намерение «сына» жениться на Екатерине. 9 ноября Жуковский встретился с Геккерном и «сыном». «Отец» вручил ему письмо с просьбой о посредничестве при разговоре Пушкина с Дантесом. Пушкин с возмущением отказался от встречи с противником.

Жизнь Пушкина запечатлена не только в его творчестве, письмах, документах, но и в свидетельствах очевидцев во все периоды: московский младенец, легкомысленный лицеист, петербургский свободолюбец, необузданный ссыльный в южных краях, тоскующий затворник на псковской земле, счастливый глава семейства, драматург и главное действующее лицо драмы последних лет жизни. Всюду он разный и один и тот же. В 1833—1837 годах Александр Сергеевич предстает человеком долга, чести, собственного достоинства. Пожалуй, один Достоевский мог бы описать жизнь Пушкина последних лет.

10 ноября Жуковский, отказавшись от посредничества, говорил с Пушкиным, результаты неизвестны. Позже Александр Сергеевич объяснил А. Н. Гончаровой, что сватовство Дантеса предпринято с целью избежать дуэли, а брак не состоится. Жуковский мечется между Пушкиным, Геккерном и Загряжской. Геккерн и Дантес устремились срочно получать массу документов, разрешавших этот брак и венчание в православной и католической церквях, включая согласие императора.

14 ноября Геккерн в доме Е. И. Загряжской официально сообщил о предстоящем бракосочетании Дантеса с Е. Н. Гончаровой: «Пушкин ввиду этого просит рассматривать его вызов как не имевший места»⁸⁸. Поспешное сватовство, помолвка и венчание

⁸⁶ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 287.

⁸⁷ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 159, 333.

⁸⁸ Летопись. Т. 4. С. 531.

вздуроражили Петербург. Ничего подобного никто, даже самые близкие не ожидали. С. Витале и В. Старк объясняют произошедшее добрачным зачатием ребенка Е. Гончаровой⁸⁹. Нидерландский филолог Ф. Сауассо пишет: «В некоторых документах делаются намеки на гомосексуальную связь Геккерна с Дантесом. Отдельные замечания в документах из Архива Высшего совета дворянства дали мне повод более внимательно рассмотреть высказанную Гроссманом еще в 1929 году гипотезу о том, что Екатерина Гончарова была беременна еще до своей помолвки с Дантесом. В результате я убедился в том, что Гроссман был прав»⁹⁰. Вторая редакция статьи Л. П. Гроссмана надежно подтверждает его предположение⁹¹. Судя по сохранившимся документам, роман Е. Н. Гончаровой с Дантесом вспыхнул не позже августа 1836 года.

По мнению этих авторов, вызов на дуэль и сватовство являются совпадением. Как же красноречиво происшедшее опровергает страстную любовь Дантеса к Наталье Николаевне! С чего бы карьерист воспылил страстью, если она явно угрожает карьере?

16 ноября секретарь французского посольства, секундант Дантеса О. д'Аршиак привез Пушкину письмо Дантеса с просьбой «объяснить ему лично, почему он изменил свое намерение относительно дуэли». По прочтении письма возмущенный Пушкин объявил д'Аршиаку, что завтра пришлет своего секунданта графа В. А. Соллогуба. На другой день благодаря стараниям секундантов Пушкин писал Соллогубу:

Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерна на дуэль, и он принял вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела сообразоваться рассматривать этот вызов как не имевший места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как вы сочтете уместным.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

17 ноября 1836⁹².

Письмо показали Дантесу. Прочитав его, он обратился к Соллогубу: «Ступайте к Пушкину и поблагодарите его, что согласен окончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться как братья»⁹³. На слова Дантеса, переданные Соллогубом, Александр Сергеевич ответил: «Никогда между домом Пушкина и Дантеса ничего общего быть не может»⁹⁴. Ни Геккерн, ни Дантес не собирались раздражать, возмущать, огорчать Пушкина, они хотели с ним дружить, не понимая, что для него это противоестественно, они не понимали, что у них нет ничего с ним общего, столкнувшие их обстоятельства так сложились. Просьба Дантеса, предложение дружить, быть братьями не бесить Александра Сергеевича не могли.

Лица, принадлежавшие к светскому обществу, куда по происхождению и занимаемому положению входил Пушкин, жили в строгом соответствии со сложившимися традициями и правилами, предусматривавшими обязательное участие во всех мероприятиях, устраиваемых двором. А они требовали различных трат, лишавших Алексан-

⁸⁹ См.: Витале С., Старк В. Черная речка. С. 221–223.

⁹⁰ Там же. С. 212.

⁹¹ Гроссман Л. П. Женитьба Дантеса // Цех пера. Статьи о литературе. М., 1930.

⁹² Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 161.

⁹³ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 364.

⁹⁴ См.: Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 161, 335; Летопись. Т. 4. С. 535.

дра Сергеевича возможности нормального содержания семьи и занятий литературным трудом. Попытки изменить навязанное ему положение улучшения не давали. Накапливались раздражение и ярость неудач. От перенасыщения унижениями просить помощи у монарха он больше не желал. Зрела неизбежность разрядки. Не будь Дантеса, Геккерна, пасквиля, что бы изменилось? Произошла бы другая дуэльная история, другая встряска. Смириться с той жизнью он не мог. У нее отсутствовало будущее. Сосуществование не получилось. Это главная причина происшедшего. Пушкин идти под пули не стремился, но и оставаться в той жизни он не мог.

Начиная с получения пасквиля и до его кончины родные, друзья, самые близкие ему лица не понимали, отчего он мрачен, нервен, зол. А он знал, понимал, видел больше других, его раньше других посещало предчувствие. Он был не такой, как они. Он с рождения понимал и чувствовал, чего не ведали они близ смертного одра. Не случайно его юношеские стихи недостижимы даже для больших поэтов. Попробуйте в них что-нибудь хоть чуть-чуть изменить, исправить. Не получится! Не огорчайтесь, он — гений. 25 апреля 1818 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу о только что окончившим лицей Пушкине, племяннике поэта В. Л. Пушкина:

«Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *В дыму столетий!* Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец всех нас засадит, нас и отцов наших»⁹⁵. Предполагаю, что Вяземский всю жизнь завидовал Пушкину. Он не делал ему гадостей. Но когда Александр Сергеевич особенно нуждался в сочувствии и поддержке, Петр Андреевич упражнялся в небезобидном остроумии.

Пушкин многое скрывал от самых близких, а они не могли понять, отчего он так себя ведет. Даже Вяземский, почти такого же ума. Умные, воспитанные Карамзины поняли, что с ним происходило, лишь после дуэли. Поэтому среди них, любивших его, он страдал от одиночества. Он не мог и не должен был говорить даже самым близким о том, как вел себя Дантес 2 ноября 1836 года у Полетики. При идеальном поведении Натальи Николаевны тень от этого грязного события ложилась и на нее. Вообразите, что чувствовал Пушкин, узнав о подстроенном свидании у Полетики. Что чувствовал он, видя, как Дантес продолжает увиваться вокруг его жены после помолвки с Е. Н. Гончаровой и их венчания. А еще хочет с ним дружить. Попробуйте встать на его место. Он терпел куда дольше, чем на его месте терпели бы другие. 12 марта 1837 года самый верный и преданный друг Александра Сергеевича В. А. Жуковский писал И. И. Дмитриеву: «Жизнь Пушкина была мучительная, — тем более мучительная, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные»⁹⁶.

Жуковский всегда понимал Пушкина, всегда устремлявшегося ему помочь. Не случайно Наталья Николаевна 5 ноября отправилась к нему за помощью в Царское Село, а он тотчас примчался в Петербург, метался и предотвратил дуэль после первого вызова 4 ноября. Не допустил вспышки при следующем обострении отношений, не смог предотвратить и ликвидировать последнюю катастрофическую ситуацию. Ни домашние, ни кто другой не сообщил ему о картеле, посланной Пушкиным Геккерну, они ничего не знали. Наталья Николаевна любила мужа, переживала за него, страдала вместе с ним, но поставить на место Дантеса она не могла, вряд ли не хотела, не могла.

17 ноября Е. И. Загряжская пишет Жуковскому: «Слава богу, кажется все кончено. Жених и почтенный его Батюшка были у меня с предложением. К большому счастью за четверть часа перед ними приехал из Москвы старший Гончаров и объявил им Родительское согласие, и так, все концы в воду... Теперь позвольте мне от всего моего серд-

⁹⁵ Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. СПб., 2017. С. 107.

⁹⁶ Цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Т. 2. С. 343.

ца принести вам мою благодарность и простите все мучения, которые вы претерпели во все сие бурное время...»⁹⁷ Что означают «слава богу, все кончено», «к большому счастью», «все концы в воду»? О расстройстве одной лишь дуэли выразились бы иначе, письмо было бы иным. Не есть ли это еще одно подтверждение добрачной беременности невесты? О ней обязательно должна была знать ее тетка — покровительница. С ней прежде других обо всем советовалась Е. Н. Гончарова. Наиболее надежным доверенным лицом Загряжская могла избрать Жуковского, принявшего деятельное участие в сватовстве Дантеса. Если Екатерина забеременела в конце лета 1836 года, то многое становится яснее, например, публичные припадки истерического восторга невесты во время сватовства и не вполне приличная торопливость ее родни во время сватовства и венчания. Это смущало многих. Известно свидетельство К. О. Росета о письме Дантеса с просьбой руки Екатерины, полученного Пушкиным 4 ноября 1836 года, почти одновременно с пасквилем. Настораживающее совпадение. Услышав текст письма, Екатерина «бросила салфетку и побежала к себе»⁹⁸. Почему-то этот эпизод отсутствует в «Летописи жизни и творчества Пушкина», но есть в изданиях Пушкинского Дома? Только пострадавшая в неопределенности могла так реагировать на наконец-то состоявшееся сватовство.

Все невзгоды, происходившие с Александром Сергеевичем, все невзгоды, происходившие с ним и вблизи него, накладывались на постоянно нараставшее раздражение, ни на минуту не покидавшее его. Причиной этого дополнительного раздражения был Дантес, его существование, все его поступки, все, что он делал. Куда бы Пушкины ни являлись — везде наталкивались на него. И что поразительно — Дантес не понимал, отчего он так раздражает Пушкина: все разрешилось, его жена — свояченица Александра Сергеевича, они родственники. Отчего бы не дружить? Отчего бы не продолжать флиртовать с его женой?

17 ноября Пушкин сообщил секундантам, что просит их рассматривать вызов, посланный им Дантесу 4 ноября «как не имевший места». В тот же день Александр Сергеевич сел писать два весьма важных письма. Бенкендорфа он ставил в известность о том, что произошло. Письмо Геккерну содержит такие резкие выражения, что об отмене или переносе дуэли не может быть и речи. Что же произошло?

Пушкин полагал, что Дантес достаточно наказан: вынудил жениться на совсем непривлекательной Екатерине Гончаровой (1809—1843), засидевшейся бесприданнице, и тем самым выставил его трусом, таким гнусным способом улизнувшим от дуэли.

Теперь настала очередь «отца», интригана и негодяя. Но «Летопись жизни и творчества Пушкина» свидетельствует: «Ноябрь. 17... 21. В светских толках и пересудах помолвка Дантеса с Е. Н. Гончаровой связывается с каким-то скандалом в семье Пушкина, в результате которого Дантес ради спасения чести любимой женщины вынужден был просить руки ее сестры. Направляемая Геккерном-старшим и поддерживаемая в близких ему кругах версия о том, что Дантес „пожертвовал собою“, становится общераспространенной»⁹⁹. Пушкина бесило рыцарское толкование женитьбы Дантеса.

Приведем письмо А. Х. Бенкендорфу:

Граф!

Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду

⁹⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 96.

⁹⁸ См.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 348, 566.

⁹⁹ Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 4. С. 536.

бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата. Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем. Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение. Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-да д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места. Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательство того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.

21 ноября 1836¹⁰⁰.

Письмо Геккерну приведем позже. Вечером 21 ноября на Мойке в квартире Пушкина появился начинающий литератор граф В. А. Соллогуб (1813—1882), секундант Александра Сергеевича. Вот что он пишет об этом визите:

«Он (А. С. Пушкин. — Ф. Л.) запер дверь [кабинета] и сказал: „Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте“.

Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день кн. Одоевского), то поехал к кн. Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось: через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил, и письмо послано не будет»¹⁰¹.

На другой день Василию Андреевичу удалось говорить с Николаем I о пасквиле, вызове, неожиданной помолвке и отказе от вызова. Опасаясь нового вызова, Жуковский просил вмешательства самого императора. Узнав о назначенной монархом ему встрече, Александр Сергеевич решил подготовленных 17—21 ноября писем пока не отправлять. Письмо Геккерну он использует позже в качестве черновика.

О приглашении Пушкина 23 ноября 1836 года в царский кабинет Аничкова дворца стало известно лишь в 1928 году из публикации П. Е. Щеголева¹⁰². Павел Елисеевич

¹⁰⁰ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 165.

¹⁰¹ Соллогуб В. А. Воспоминания. С. 370.

¹⁰² Щеголев П. Е. Царь, жандарм и поэт. Новое о дуэли Пушкина // Огонек. 1928. № 24 (272). С. 4—5.

тщательнейше изучил записи Камер-фурьерского журнала и «извлек все самые малейшие данные, которые могли бы иметь касательство к Пушкину»¹⁰³. Приведем обнаруженный Щеголевым текст:

«1836 г. Месяц Ноябрь. Присутствие их величеств в собственном дворце. Понедельник. 23-го. С 6-ти часов его величество принимал с докладом военного министра Царства Польского ген.-адъютанта графа Грабовского, действительного статского советника Туркуля, статс-секретаря Лонгинова, министра высочайшего двора князя Волконского и генерал-адъютанта Киселева. За сими с рапортом военного генерал-губернатора графа Эссена, коменданта Мартынова и обер-полицеймейстера Кокошкина.

10 минут 2-го часа его величество одни в санях выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец.

По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина»¹⁰⁴.

Ни Жуковский, никто из друзей Пушкина, никто из близких к трону лиц о важнейшем разговоре императора с поэтом воспоминаний не оставил. Объяснить это можно лишь тем, что встреча Николая I с Пушкиным приятной ни для поэта, ни для царя не была.

Располагая сведениями, содержащимися в документах, найденных после кончины Щеголева, проанализировав тексты воспоминаний П. А. Вяземского¹⁰⁵ и В. А. Соллогуба¹⁰⁶, записанные П. И. Бартеневым и Е. Н. Вревской¹⁰⁷, записанные М. И. Семевским, а также писем Е. А. Карамзиной¹⁰⁸ и С. А. Бобринской¹⁰⁹, С. Л. Абрамович воссоздала наиболее достоверную картину событий, происшедших 22 и 23 ноября 1836 года¹¹⁰.

Император «заверил Пушкина, что репутация Натальи Николаевны безупречна в его глазах и в мнении общества и, следовательно, никакого серьезного повода для вызова не существует». [Предполагаю, что о подстроенном свидании 2 ноября 1836 речи не шло. — *Ф. Л.*] Александр Сергеевич дал слово не доводить дело до дуэли и обо всем извещать императора¹¹¹. Одним из подтверждений этому служит ставшая теперь понятной фраза умирающего Пушкина, сказанная лейб-медику императора Н. Ф. Арендту: «Попросите государя, чтобы он меня простил»¹¹².

После разговора с Пушкиным или вслед за венчанием Дантеса 10 января 1837 года император мог распорядиться перевести его служить на Кавказ, китайскую границу, в царство Польское, много куда. Лишь тогда эта часть тоски, тревоги, раздражения покинула бы Александра Сергеевича. Николай I назначил соглядата, докладывавшего ему обо всем касавшемся кавалергарда Дантеса¹¹³. Александр Христофорович Бенкендорф внимательно наблюдал за действиями императора и по ним выносил суждения о его истинном отношении к той или иной персоне. Больше месяца Пушкин не видел Дантеса, увидел и тотчас помрачнел. 11 января 1837 года на другой день после венчания Дантес с женой приехали к Пушкиным со свадебным визитом. Александр Сергеевич их не принял. 14 января на обеде у графа Г. А. Строганова Геккерн подошел

¹⁰³ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 144.

¹⁰⁴ Там же. С. 144–145. Камер-фурьерский журнал, заведенный Петром I во время первого Азовского похода, фиксировал практически все, что происходило с русским сувереном и вблизи него.

¹⁰⁵ См.: Русский архив. 1888. № 7. С. 305; 1902. № 10. С. 235.

¹⁰⁶ См.: Русский архив. 1865. № 5–6. С. 765.

¹⁰⁷ См.: Русский вестник. 1869. № 11. С. 90–91.

¹⁰⁸ См.: Пушкин в письмах Карамзиных С. 170.

¹⁰⁹ См.: Прометей. Т. 10. С. 266–269.

¹¹⁰ Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 133–141.

¹¹¹ Там же. С. 140–141.

¹¹² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 146.

¹¹³ См.: Яшин М. Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 9. С. 171.

к Пушкину с попыткой примирения. Пушкин категорически отказался от каких бы то ни было отношений с семейством Дантесов—Геккернов. Вскоре Дантес возобновил публичную демонстрацию «увлечения женой поэта и, компрометируя ее в глазах света»¹¹⁴. 23 января на балу у графа И. И. Воронцова-Дашкова Дантес в присутствии значительного числа гостей говорил «остроты», оскорблявшие собственную жену и Н. Н. Пушкину. Д. Ф. Фикельмон пишет: «Наконец, на одном балу он так скомпрометировал мадам Пушкину своими взглядами и двусмысленными речами, что все ужаснулись, и тогда Пушкин принял окончательное решение. Чаша переполнилась, теперь уже не было никакой возможности предотвратить несчастье!»¹¹⁵

25 января к Пушкину приезжал Геккерн, произошла ссора на лестнице, дальше его не пустили. Наверное, у читателя давно сложилось впечатление, будто Дантес и Геккерн умышленно раздражают Александра Сергеевича. Ничего подобного, им скандал грозил карьерой в России, меньше всего им хотелось Россию покидать. Умысла не было, были глупость, непонимание, фантастическая бестактность. За две недели до отъезда из России утративший самообладание Геккерн пишет оправдательное письмо русскому министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде, в нем имеется следующий опус:

«Наконец, мне скажут, что я должен был использовать свою власть над сыном. И снова неопровержимый ответ могла бы предоставить госпожа Пушкина, воспроизведя письмо, которое я потребовал от сына, письмо ей адресованное, которым он объявлял, что не имеет больше на нее претензий. Вручителем сего письма был я сам и передал его в собственные руки. Г-жа Пушкина, воспользовалась им, чтобы доказать семье и мужу, что вовсе не забыла свой долг»¹¹⁶.

Упомянутое письмо Дантеса к Наталье Николаевне не сохранилось. Каково было его читать Пушкину? Значит, раньше к его жене претензии были? С. А. Абрамович полагает, что это письмо было передано жене Александра Сергеевича 20—21 ноября 1836 года, твердого обоснования даты не приведено¹¹⁷. Геккерн мог передать письмо на балу 23 января, мог привезти на Мойку 25 января. Или это письмо, или разнузданное поведение Дантеса сделались причиной последнего письма Пушкина к Геккерну. Письмо, написанное и не отправленное 17—21 ноября 1836 года, взято им в качестве основы:

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему

¹¹⁴ См.: Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 4. С. 572.

¹¹⁵ Фикельмон Д. Ф. Дневник. С. 357.

¹¹⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы // Пушкин и его современники.

Вып. XV—XVII. Пг., 1916. С. 185—186. Перевод с французского Е. П. Чебучевой.

¹¹⁷ Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 125—126.

сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой и — еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто трус и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

26 января 1837¹¹⁸.

11 февраля 1837 года Геккерн пишет голландскому министру иностранных дел барону Ж.-Ж. Верстолку ван Сулену о дуэльной истории, жизни его семьи после венчания 10 января и письме Пушкина от 26 января. Приведем извлечение из этого письма:

«Мы в семье наслаждались полным счастьем; мы жили, обласканные любовью и уважением всего общества, которое наперерыв старалось осыпать нас многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избегали посещать дом господина Пушкина, так как его мрачный и мстительный характер нам был слишком знаком. С той или другой стороны отношения ограничивались лишь поклонами.

Не знаю, чему следует приписать нижеследующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свету вообще и ко мне в частности зависти, или какому-либо другому неведомому побуждению, — но только прошлый вторник (сегодня у нас суббота), в ту минуту, когда мы собирались на обед к графу Строганову, без всякой видимой причины, я получаю письмо от господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести все отвратительные оскорбления, которыми наполнено было это подлое письмо.

Все же я готов представить вашему превосходительству копию с него, если вы потребуете, но на сегодня разрешите ограничиться только уверением, что самые презренные эпитеты были в нем даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведение были оклеветаны самым гнусным образом»¹¹⁹.

Не удивляйтесь, голландского посланника при русском дворе барона Геккерна не раз уличали во лжи.

Вторую половину дня 26 января и другой день до начала дуэли видевшие Пушкина обратили внимание на то, что он бодр и весел. 27 января у Черной речки близ Комендантской дачи около пяти часов пополудни произошла эта проклятая дуэль. Бенкендорф знал, как надо действовать, когда потребовалось предотвратить ту роковую дуэль. Он послал жандармов не на Черную речку, а в Екатеринбург¹²⁰. Ему даже оправдываться не понадобилось.

¹¹⁸ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 183—184.

¹¹⁹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 273.

¹²⁰ См.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 399.

Первым к барьеру подошел Пушкин и начал целиться. Дантес, не доходя до барьера одного шага, выстрелил.

Около шести часов вечера смертельно раненного Александра Сергеевича привезли домой. Ни на минуту не теряя самообладания, окруженный близкими, страдая от сильнейшей боли и понимая, что с ним происходит, 29 января 1837 года в 2 часа 45 минут пополудни Пушкин скончался. Около постели умирающего все эти скорбные дни провела Екатерина Александровна Долгорукова (1811–1872), дочь А. Ф. Малиновского, директора Архива Министерства иностранных дел и племянница первого директора Царскосельского лицея. Ф. Г. Толь записал кусочки ее воспоминаний: «Пушкин, умирая, просил княгиню Долгорукову съездить к Дантесу и сказать ему, что он простил ему. — „Moi aussi je lui pardonne (Я тоже ему прощаю)!“ — нахально ответил он»¹²¹.

Помните, когда Дантеса после экзамена произвели в офицеры, Пушкин в дневнике записал: «Гвардия ропщет!» Никто из офицеров не вызвал этого мерзавца на дуэль.

---

¹²¹ Декабристы на поселении (Из архива Якушкина). М., 1926. С. 135.